

ПЕСНИ, ИСПОЛНЯВШИЕСЯ ВО ВРЕМЯ КАЛЕНДАРНЫХ ОБХОДОВ ДВОРОВ У РУССКИХ

Календарные обходы дворов с песенным пожеланием благополучия вообще и урожая в особенности известны многим земледельческим народам. Обычно все они исполняются и строятся по типу новогодних поздравительных песен — коляд, изученных достаточно полно и на русском материале и на материале других, в том числе неславянских народов¹. Поэтому говорить о них подробно нет необходимости. В этой статье делается попытка ответить на вопрос, который поставил в своей книге о русских аграрных праздниках В. Я. Пропп: не встречаются ли обычаи, сходные со святочным колядованием, в других праздниках². В. Я. Пропп предложил методику изучения календарного годового цикла по отдельным составляющим его мотивам. Оказалось, что целый ряд мотивов повторяется, и это повторение помогает объяснить их коренной смысл. Среди повторяющихся мотивов, наряду с поминовением усопших, культом растений и прочим, В. Я. Пропп отметил поздравительно-заклинательные песни. К ним он отнес *зимние колядки, осень, виноградьё, щедровки*, песни-шествия с козой и плугом, имитацию сеяния. Он также указал на случай колядования на масленицу в Ярославской губернии, пасхальный *выюнец* в Нижегородской, Костромской и Владимирской губерниях и, наконец, белорусские *волочebные* песни. В случае с масленицей, согласно В. Я. Проппу, колядование просто перенесено на другое время, а *выюнишные* и *волочebные* песни — чисто местное образование. Исследователь не нашел никаких признаков колядования в другие сроки и поэтому обход дворов колядного типа не был признан сквозным мотивом годового земледельческого круга. Однако привлечение некоторых малоизвестных сообщений, разбросанных в дореволюционной периодике, и особенно новых рукописных материалов, появившихся уже после выхода в свет книги В. Я. Проппа, показывает, как мне думается, что значение календарных обходов дворов несравнимо шире, чем это принято было считать. Однако новых русских материалов все же недостаточно для убедительного доказательства повторяемости данного мотива в календарном цикле. Поэтому целесообразно привлечение данных по другим славянским народам, что позволит поставить вопрос об обходах дворов как исконном, традиционном мотиве годичного цикла аграрных древне-

¹ А. Н. Веселовский, Румынские, славянские и греческие коляды, Сб. «Отделения русского языка и словесности АН» (далее ОРЯС), т. XXVII, № 4, 1883; А. А. Потебня, Объяснение малорусских и сродных народных песен, т. II; Колядки и щедровки, Варшава, 1887; Н. Ф. Сумцов, Научное изучение колядок и щедровок, Киев, 1886; Б. А. Шайкевич, К вопросу о генезисе и развитии колядных песен и обрядов. «Сов. этнография», 1933, № 1; P. Saganap, Obrzed Koledowania u Slowian i u Rumunów, Studium porównawcze, Kraków, 1933; В. И. Чичеров, Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков. М., 1957. (Не привожу многочисленных работ по украинским, польским, чешским, южнославянским, греческим и румынским колядам.)

² В. Я. Пропп, Русские аграрные признаки, Л., 1963, стр. 35.

русских праздников. Тем самым к перечню сквозных календарных мотивов В. Я. Проппа можно присовокупить еще один.

Начнем с обзора русских материалов. Колядование состоит в том, что колядовщики артелью обходят все избы своей деревни, величая особыми песнями хозяина и его семью. Они просят вознаграждения и желают хозяевам хорошего урожая, приплода скота и т. п. На голову скупых хозяев сыплются угрозы и страшные посулы. Одна и та же песня с чисто народной амбивалентностью могла обернуться добром и злом, хвалой и бранью, прославлением и проклятьем. Думается, что и ругань имела некогда магически-производительное значение, поэтому обычное в литературе разделение колядок на песни с положительными и отрицательными концовками в известной мере механистично.

Исполнение коляды на масленицу зафиксировано на Ярославщине и Новгородчине³. Интересно, что во Владимирской, Вологодской, Костромской и Тверской губерниях зафиксированы оригинальные обходы дворов на масленицу с особыми поздравительными песнями типа колядных, с использованием некоторых их поэтических формул (требования подарка, угрозы), но не тождественных им по содержанию. Дети, иногда ряженные, ходят большой гурьбой по деревне, распевая у окон песню: «Масленица, полизуха Борисьевна!» со словами: «Подайте блинка для маслены! Подавай, не ломай, во весь каравай!»⁴. Другая песня: «Прошли дворы, наполнили сумы», с припевом: «Ах, масленица, обманщица!»⁵. Или:

Тетушка, не скупися,
Масляным кусочком поделися!
Не дашь пирога —
Корову со двора!⁶

Интересный материал мы находим у А. С. Фаминцина: «Обряд проводов масленицы... сопровождается в Галицком уезде Костромской губ. и в Тверской губ. шествием *окликальщиков* с еловыми ветвями (!) в руках. Ветви эти ставятся ими также на дворах хозяев, предлагающих окликальщикам угощение»⁷.

Магическое значение таких обходов очевидно. *Окликальщики* (с этим термином мы еще встретимся) ставят зелень лишь в тех дворах, где они получают ритуальное вознаграждение. По форме этот поздравительный обход похож на колядный, но не тождествен ему. Обращает на себя внимание тот факт, что еловые ветви здесь имеют ту же функцию, что и березовые ветви во время соответствующих обходов на семик.

В предпасхальное «середокрестие» (середина великого поста) в костромских деревнях пели под окнами песенку типа коляд с зачином: «Крестички-жавороночки! Половина-то говенья переломится, овсяная краюшка растворится». Эта песня кончалась словами: «Кто не даст креста, заболит спина!» (Записано в 1959 и 1966 гг. в Пышугском районе).

В сборнике П. Шейна «Великорусс» (№ 384) опубликован псковский вариант «Просо сеяли», который исполнялся, очевидно, при своеобразном

³ И. М. Снегирев, Русские престопадные праздники и суеверные обряды, вып. II, М., 1838, стр. 133—134. См. также: А. А. Титов, Библиографический очерк М. Диева, «Чтение общества истории и древностей российских», 1887, кн. I, стр. 34; Ю. и Б. Соколовы, Сказки и песни Белозерского края, М., 1915, № 347.

⁴ М. И. Смирнов, Культ и крестьянское хозяйство в Переславль-Залесском уезде по этнографическим наблюдениям, «Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведного музея», вып. I, 1927, стр. 18—20.

⁵ А. Н. Соболев, Детские игры и песни, «Труды Владимирской ученой архивной комиссии», кн. 16, Владимир, 1914, стр. 37.

⁶ Из рукописного фонда Вологодского хорового общества (запись 1960-х годов); за сообщение песни, записанной с мелодией, благодарю М. Ш. Бонфельда.

⁷ А. С. Фаминцин, Богиня весны и смерти в песках и обрядах славян, «Вестник Европы», 1895, № 7, стр. 149.

обходе дворов. К сожалению, в публикациях не отмечено, исполнялась ли песня зимой или весной.

К бесспорно весенним обходам дворов могут быть отнесены егорьевские окликания. Вечером накануне 23 апреля перед каждым домом поют оклиkanie Егория; певцам подают яйца, хлеб, деньги. Костромские записи этих окликаний хранятся в рукописном архиве Института русской литературы АН СССР (ИРЛИ). По форме исполнения и даже по композиции они близки колядкам⁸.

Если здесь обход содержит ярко выраженную магию оберега скота, то на Смоленщине, по сообщению С. В. Цыанковой, записана недавно уникальная егорьевская песня с пожеланием богатого урожая (жита). Текст ее я, к сожалению, не располагаю, но мне известен аналогичный белорусский материал. В Белоруссии зафиксирован весенний обход дворов в Юрьев день. Формы этого обряда безусловно древнерусские, но сохранились лучше, чем в России. В полесской дер. Слобода Тонежского сельсовета Мазурского района дети (девочки 7—10 лет) с небольшой украшенной елочкой идут в поле на озимые хлеба, где исполняют песенку с пожеланием хорошего урожая. Возвращаясь с поля, поют перед каждой избой:

Дзе карагод ходзіць,
Там жыта родзіць,
А дзе ён не бывае,
Там жыта улягае⁹.

Хотя это свидетельство относится уже к детской, игровой, т. е. отраженной форме существования аграрного обряда, тем не менее в нем все для нас существенно и знаменательно. Имею в виду такие детали, как предваряющее обход шествие хоровода с зеленым деревом в озимое поле, пение там урожайной песни, пение обходной песни перед каждым двором и, наконец, сам текст приведенной песни — короткая, магическая формула, родственная русским календарным заклятиям. Знаменательно и то, что этот обход совершался как самостоятельный обряд; древние земледельцы должны были придавать ему особенно большое значение, поскольку он был приурочен к началу весны.

Сходство волочебных песен с колядными общепризнано. Однако мне кажется, что мнение, будто волочебный обряд, приуроченный к пасхе, — это сугубо белорусское явление, спорно. Аналогичные весенние песни обнаружены у русских (Брянская, Смоленская, Псковская области) и украинцев. Черты двоеверия в них весьма определены. Припев: «Христос воскрес, сын божий!» явно пасхального происхождения, не может считаться исконным. Эти песни гораздо древнее пасхи. Они сохранились от существовавшего некогда большого праздника весны — с жертвоприношениями, поминовением предков, с праздничными ритуальными шествиями не только от дома к дому в своей деревне, но и от села к селу, с коллективными играми и хороводами. Языческой древностью веет от припевов: «Нехай так будет!» или «Жаркое солнце всходит!». Весной и перед самым началом сева яровых (по свидетельству академика Н. М. Никольского)¹⁰ целые села отправлялись поздравлять соседей. Волочебники, подобно колядовщикам, обходя дворы, желают хозяину густого, колосистого, «ядрянистого» жита. Поют: «Ай, дай, боже, сивых вопрев!»; «За этим же, хозяйнушка, живи здорово, живи богато!»¹¹.

⁸ «Институт русской литературы АН СССР» (далее ИРЛИ), р-V, м/ф., запись 1914 г. В. Королева в Макарьевском уезде Костромской губ.

⁹ М. М. Гваздеў Месца традыцыйнай песні у жыцці сучайскай беларускай вёскі. «Весці Акадэміі навук БССР. Серыя грамадскіх навук», Мінск, 1963, № 3, стр. 84.

¹⁰ Н. М. Никольский, История БССР, вып. 1, Минск, 1946, стр. 47. Ср. его же, Мифология и обрядность волочебных песен, Минск, 1931 (на белор. яз.).

¹¹ Образцы см. в сб.: «Поэзия крестьянских праздников» (раздел «Весенние обходы дворов»), Л., 1970; Там же, см.: егорьевские песни, стр. 313—316.

Самостоятельность и оригинальность русских волочебных песен, которые остались от древнерусских весенне-праздничных шествий, их приуроченность к сельскохозяйственному календарю, их магическое содержание, при несомненном типологическом сходстве с колядами, свидетельствует, очевидно, о том, что они всегда существовали в составе весенних аграрных праздников¹².

К пасхальной или же послепасхальной субботе (либо к воскресенью) был приурочен еще один вид весенних поздравительных песен, сопровождавших обход дворов молодых супругов, поженившихся истекшей зимой — так называемый *вьюнец*, *вьюнишник* или *вьюнины*, т. е. окликающие молодых. Чаще всего их исполняли в воскресенье фоминной недели, получившей даже название *вьюнищно* (характерно, что пасхальная суббота в других местах называлась соответственно *окликальной*).

Записи *вьюнишных* песен сделаны во Владимирской, Костромской, Нижегородской и Ярославской губерниях¹³. Сходство их с колядками несомненно: тот же обход дворов, то же величание, то же требование подарка, та же угроза скупым и т. п. Ходили не только дети: в ряде мест обряд совершался всей деревней во главе со стариками или хорошо знающими обычаи женщинами. Зачастую шествие продолжалось всю ночь до рассвета. Известны случаи, когда, как и во время волочебных обходов, окликали молодоженов не только свсей, но и всех соседних деревень. Певцы называли себя *окликальщиками* да *величальщиками*. Одни песни были адресованы молодому мужу (*вьюнцу*), другие — жене (*вьюнице*), и особая песня предназначалась им обоим. Они, как и колядки, начинались с просьбы разрешить петь: «Ой, благославляй-ко ты, хозяин, молодых окликать!». Окликальщики «далеко шли», «почитанье несли, уваженьице». В заключение они требовали подарка¹⁴. Собственно аграрных мотивов во «вьюнце» почти нет.

Из весенних обходов упомяну также любопытное свидетельство, относящееся к Вятской губернии, где в день Бориса и Глеба молодежь пела своеобразную коляду. Знаменательно, что святых Бориса и Глеба называют в народе «сеятелями»: «Борис — Глеб сеют хлеб». Не исключено, что перед нами след былой аграрно-календарной приуроченности весеннего обхода дворов. Автор заметки сообщает: «Позволим себе указать на любопытное обыкновение молодого поколения в Никулищком приходе Вятского уезда (в самом древнейшем) ежегодно, в день Бориса и Глеба (2 мая), вечером ходить по дворам для сбора яиц, из которых на другой день для участников готовится какой-либо любезной хозяйкой в большом котле общественная яичница, иногда из нескольких сот яиц, причем для еды ее ложка и хлеб приносятся уже обыкновенно каждым из дома особо. Так, в одной известной нам деревне в этом приходе участвуют в мирской яичнице человек 30 мужской молодежи, которая собирает от 200 до 300 штук яиц. При собирании участники этой своего рода коляды у каждого двора поют особую песню, начинающуюся словами: «Пришли славцы, пришли ярославцы к доброму хозяину» и проч.¹⁵ (полный текст не приведен).

Существует несколько свидетельств об обходах дворов с песнями на семик (русальную неделю); в так называемые «зеленые святки». Эти

¹² Показательно, что в белорусском Полесье, например, волочебные песни наравне и наряду с колядками и щедровками называются народом «обходными» (З. Я. Можейко, Традиционное песенное искусство в современном музыкальном быту белорусского полесского села. Канд. дис., Минск, 1969, стр. 82).

¹³ О ярославских записях см.: Д. Ушаков, Сведения о некоторых поверьях и обычаях Ростовского уезда Ярославской губ., «Этнографическое обозрение», 1904, № 2, стр. 162. (Наличие их подтвердила и Угличская экспедиция. Ленинградского государственного института театра, музыки, кинематографии (ЛГИТМК) 1969 года.

¹⁴ К. Веселовский, Вьюство в Мордвиновской вол. Гороговецкого уезда, Владимирской губернии, «Владимирские губ. ведомости» 1863, № 41.

¹⁵ «Волжский вестник», Казань, 1886, № 154, стр. 3; см. также: «Вятские губернские ведомости», 1886, № 62, стр. 4.

свидетельства отрывочны, разбросанны и никогда не сопоставлялись ни между собой, ни с песнями колядного типа. А между тем во многих семичихих песнях встречаются поэтические формулы заклания на урожай, дословно совпадающие с колядными и волочебными: «Зароди, боже, жито густое, колосистое, ядринистое»¹⁶; «Как из колосу осьмина, из зерна-то коврига, из полузерна пирога»¹⁷.

Семиковые обходы дворов, сопровождавшиеся сбором яиц и пением особых песен, зафиксированы также в Поволжье, Сибири и Владимирской губернии. В с. Станки Мстерской вол. Вязниковского уезда Владимирской губ. двух подростков наряжали Семиком и Семичихой; с ватагой ребятишек, которые били палкой в старое ведро, они ходили под окнами домов, выпрашивая муку, крупу, масло, сметану, яйца, сахар и пр. Дети приговаривали: «Подайте на семейчка два яичка!». Из собранного в Троицу готовилась еда. При этом пели песню:

Семик честной,
Семик ладужный
Послал за венцом.
На нем семь одёж —
Все шелковые,
Полушелковые.
Семику да Семичихе — яичко!
Семик баню продает,
Семичиха не дает.
Стряпуха стряпала
В тесто ложки прятала¹⁸.

В Сибири на семик девушки образовывали *вяюны* — кружки по 10—15 чел., наряжали две березы (одну девкой, другую парнем) и вечером пели под окнами, за что получали яйца. Когда обрядовые песни забывались, то продолжали ходить с семиковой березкой по домам и петь за угощение обычные частушки¹⁹.

Отрывок песни семикового обхода дворов с требованием ритуальной яичницы приводит П. И. Мельников-Печерский:

Дай нам шильцо да мыльцо,
Белое белильцо
Да зеркальцо,
Копейку да денежку —
За красную девушку!
Ой дид-ладо!
Семика честного яичницу!

Уникальность этих свидетельств состоит в том, что в них зафиксирован русский обычай весеннего обхода дворов с деревьями и песнями колядного типа, что до сих пор считалось исконно западноевропейской формой, не имеющей аналогии на Руси²⁰.

¹⁶ В. Н. Добровольский, Смоленский этнографический сборник, ч. IV, М., 1903, стр. 172, №№ 12, 13.

¹⁷ М. Смирнов, Культ и крестьянское хозяйство в Переславль-Залесском уезде (Владимирской губернии) по этнографическим наблюдениям, «Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведческого музея», Переславль-Залесский, 1927, стр. 33—34.

¹⁸ Г. К. Завойко, Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губ., «Этнографическое обозрение», 1914, № 3—4, стр. 152.

¹⁹ Г. С. Виноградов, Материалы для народного календаря русского старожилото населения Сибири, Иркутск, 1918, стр. 43—44.

²⁰ В. Я. Пропп, Указ. раб., стр. 55. Вспомним свидетельство о масленичном обходе дворов с елкой в Костромской и Тверской губ.

Но если семиковые обходы хоть как-то представлены в русской этнографической литературе, то обходы дворов в Иванов день, на Купалу, насколько мне известно, вообще никогда не фиксировались в районах, где живут русские. Тем более знаменательны записи, сделанные недавно в Демидовском районе Смоленской области и любезно предоставленные мне преподавателем Смоленского музыкального училища С. В. Пьянковой²¹. Одна из них сделана в дер. Еськово, где если подадут, пели:

Роди, боже, чисто жито!

С. Пьянкова сообщает, что эту песню поют у каждого дома. За пение выносят кулагу, мед, творог. Потом «выгоняют ведьм» с жита, жгут около клети катки (колеса)²².

Любопытна поэтическая строфика песни, редкая для русских купальских: трехстрочная, с чередованием фраз по схеме АBB—ABC. Мелодия по структуре близка веснянкам.

Строка еськовского варианта: «Роди, боже, чисто жито!» позволяет связать празднование Купалы с грядущей жатвой и глубже понять аграрный смысл купальского праздника. Перед нами один из регулярно повторяемых на протяжении всего хозяйственного года мотивов.

Купальские обходы в день летнего солнцеворота — это переключка с колядным обходом в день зимнего солнцеворота. Форма исполнения, содержание и назначение всех этих календарных обрядов в общем одинаковы. Такие обходы повторялись весь год, с первого до последнего календарного праздника, и прекращались только на время уборки урожая, когда они были уже не нужны, ибо их конечная цель состояла в обеспечении урожая средствами магии.

Таким образом, в русской песне явно прослеживается мотив календарного обхода дворов²³. В качестве дополнительных данных, подтверждающих истинность этого мотива в русской аграрной обрядности, напоминаю несколько малоизвестных фактов. В корреспонденции из Слободского уезда Вятской губ. Н. Г. Кибардин писал в 1848 г. об обычае регулярно ходить по домам и «славить» хозяев песней с припевом: «Виноградье красное!». «Славцы ходили большими артелями в тридцать человек. В их числе непременно были мужчины в годах. Пели всегда очень громко». Н. Кибардин точно указывает, когда именно ходили славцы: «В Петров, Иванов и Троицин (!) дни, также во дни святков до богоявления молодежь вечерами кличет винограды». «Колядой (!) называется только около границы описываемого края, на юго-западе»²⁴. Это интересное свидетельство необходимо прокомментировать особо. Прежде всего мы здесь впервые столкнулись с колядной песней типа *винограды*, исполняемой на протяжении всего года. В других случаях мы не упоминали о подобных песнях, ибо, как хорошо показал В. И. Чичеров, поздравительные песни-*винограды* не связаны с древней аграрной магией. Припев «Винограды красно-зелено мое» прикреплялся к любой песне. Припев превращал в обрядовую песню тексты, не имевшие связей ни с календарными, ни с семейными обрядами²⁵. Все это верно, однако, по свидетельству Кибардина, *винограды* охватывает весь календарный цикл одной местности, что весьма знаменательно. Мало того, на юго-западе Слободского уезда песни, сопровождавшие все праздники, от святков до

²¹ Оба варианта опубликованы в недавно вышедшей антологии «Поэзия крестьянских праздников», составитель И. И. Земцовский, Л., 1970.

²² Там же, № 634, стр. 457, № 638, стр. 458—459.

²³ По сообщению Э. В. Померанцевой, песенные обходы дворов на Ярилу в 90-е годы XIX в. отмечены в Пензенской и Саратовской губерниях (архив Государственного музея этнографии, фонд В. Н. Тенишева).

²⁴ «Вятские губ. ведомости», 1848, № 14, стр. 99.

²⁵ В. И. Чичеров, Указ. раб., стр. 159.

Купалы, назывались одинаково — колядой. Последнее для русского фольклора уникально.

В Костромской области в 1925 г. Е. И. Попова зафиксировала редчайший случай осеннего обхода дворов. В заговенье 27 ноября дети ходили по избам, просили яйца и пироги с песней, напоминающей окончание колядок:

Цапка царапка,
Подай пирожка!
Не режь, не ломай,
Лучше весь подавай!
Если не подашь,
У тебя лопнет глаз!²⁶

На Рязанщине почти в тот же день — 26 ноября (день осеннего Егория) — пеклись из теста особые «кони». Каждый двор должен был дать молодежи по два «коня». Собранные «кони» в поле приносились в жертву со словами: «Егорий милостивый, не бей нашу скотину и не ешь. Вот мы тебе принесли коней!»²⁷. Семантика обряда ясна. Здесь использованы элементы аграрного цикла, хотя данный обряд касается лишь оберега скота.

В заключение обзора русских материалов приведу образец песни, свидетельствующей о полном забвении аграрного смысла обходов дворов²⁸. Очевидец сообщает: «Девушки и молодницы, собравшись вместе, в какой-либо праздничный день, а особенно на святках, ходят по избам и поют хозяевам под пляску следующую песню. Поют, пока не обойдут всю деревню:

Метена ли изба?
Чист ли двор?
Плясея пришла,
Плясать пошла.
Дома ли хозяин
С хозяйошкою?

Пока поется песня, хозяйка обносит певич вином и пивом. В ответ они припевают:

Не пора ли, не пора ли,
Нам гостям со двора?
Спасибо тому дому,
Пойдем к иному.

На основании сделанного обзора можно высказать пока лишь осторожную гипотезу о том, что приведенные песни, возможно, свидетельствуют о существовании в прошлом развитой традиции, а также о том, что на Руси обходы дворов с песнями колядного типа практиковались не только на святки. Данный мотив по самой природе своей, по коренной семантике и функции должен был относиться к сквозным аграрным мотивам календарного цикла. По своей коренной функции, обходы, как и заклинания, должны были повторяться регулярно, вплоть до уборочных работ, подобно мотиву поминовения предков. Завершающие цикл обходы на Ивана Купалу, ныне единичные на Руси, имеют массу типологических сходжений в Европе. Очевидно также, что циклическое распространение

²⁶ ИРЛИ, Р-V, к. 69, п. 15, № 300.

²⁷ «Рязанский краеведческий музей», Фонд А. А. Мансурова, 111/517, № 237. В дополнение отметим, что в Угличском районе Ярославской обл. коляду пели и осенью, после Михайлова дня, когда в деревнях начинали прясть (рхп. архив Кабинета фольклора ЛГИТМК).

²⁸ В. Родиславский. Святки в Московской губернии, «Московские ведомости», 1853, № 2, стр. 21—22 (речь идет о Верейском уезде).

календарных песен соответствует особому представлению о времени, которое существовало в древности. Как известно, у древних было не векторное, а именно циклическое понятие времени²⁹. По русским материалам, довольно трудно доказать единство цели этих обходов, содержания песен, их музыкального языка (музыкальные записи единичны), соотношения в них аграрной и семейной тематики. Древнейшие мотивы сохраняются редко и неполно. Необходимо подчеркнуть только, что общественное внимание к молодоженам в календарном цикле следует отнести, в конечном счете, к аграрной тематике, ибо известно, что для древнего земледельца свершение брака магически воздействовало на плодородие земли. К тому же хозяйственное и семейное благополучие в народном сознании всегда связывалось неразрывно.

Однако песни, посвященные русскому аграрному году, немногочисленны. Иная картина наблюдается при обращении к аналогичному по функции фольклору западных и особенно южных славян, а также соседних русским поволжских угро-финских народов: здесь материал массовый, а потому более доказательный и, главное, типологически родственный русской песне.

Обратимся к инославянским параллелям весенне-летних обходов дворов, наиболее слабо отраженных в русском материале.

Очень большой сравнительный материал содержится в работе Е. В. Аничкова³⁰. Он убедительно показал, что обряд весеннего приветствия совершенно схож с зимней колядой, причем не только у славянских народов, а по всей Европе — от Португалии до Германии, от Англии и Скандинавии до Греции. Обращу также внимание на некоторые обстоятельства, отмеченные в новейших публикациях, которые проливают свет на характер особенно редких в русской традиции обходов. Например, масленичные обходы широко были распространены в Польше³¹, Словакии³², Восточной Моравии³³, Венгрии³⁴, весенние (троицкие) обходы — у южных славян, а также в Моравии³⁵, греческой Македонии³⁶, Англии³⁷, Бельгии³⁸, у осетин³⁹ и даже в Африке⁴⁰. Купальские обходы дворов — в Болгарии⁴¹, Польше⁴², Эстонии. Здесь нет буквального тождества с русскими песнями, а наблюдается именно типологическое сходство.

²⁹ А. Я. Гуревич, *Время как проблема истории культуры*, «Вопросы философии», 1969, № 3.

³⁰ Е. В. Аничков, *Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян*, ч. 1, СПб., 1903, стр. 168—257.

³¹ «Kultura ludowa Wielkopolska», t. III, Poznań, 1967, str. 38—40.

³² K. Vetterl, *Lidové písně a tancez Valašskolouboucka*, I, Praha, 1955, str. 100—101, «Banicka dadina Zakarovce», Bratislava, 1956, str. 470.

³³ I. Tomeš, *Mašopustní, jarní a letní obyčaje na moravském Valašsku*, «Přiloha časopisu Národopisné aktuality», svazek 2, Strážnice, 1972.

³⁴ A. Paládi-Kovács, *Farsangi «remélés Eger vidékén»*, «Ethnographia», 1968, № 2 (стр. 252, русск. резюме). Не оговариваем здесь особенности привлечения угро-финских материалов, что составляет специальную проблему.

³⁵ I. Tomeš, *Указ. раб.*

³⁶ R. Winterstein, *Der Ursprung der Tragödie*, Leipzig — Wien — Zürich, 1925, S. 14; X.-Г. Георгиу, *Детски обичай на 1 март во Костур, «Македоника (Солун)»*, V, (1964—1965), стр. 478—479.

³⁷ F. Homes, *Folk music of Britain and beyond*, London, 1969, p. 182 (May day carol), 235 (quête song — букв. «песня сбора пожертвований»), обе приведены с мелодиями.

³⁸ R. Thisse-Derouette, *Quêtes de l'Épiphanie, Groumote et vèhuû*, In: «Ardenne et Famenne», 1963, N° 1, pp. 33—38 (две песни с мелодиями).

³⁹ П. А. Чибиров, *Весенний цикл осетинских народных праздников*, «Известия Южно-Осетинского научно-исследовательского института», Юхивали, 1968, вып. 15, стр. 118—119.

⁴⁰ См., например: А. Т. Брайт, *Зулусский народ до прихода европейцев*, М., 1953, стр. 377—379.

⁴¹ В. Стоин, *Народни песни от Средна Северна България*, София, 1931, № 471—480; Р. Кацарова, *Болгарские народные танцы*, София, 1958, стр. 45. 46.

⁴² «Słownik folkloru polskiego», Warszawa, 1965, str. 277.

Наиболее показательны в интересующем нас аспекте сербохорватские материалы. М. Василевич пишет: «Лазарицкий (весенний) обряд начинается песней дому или хозяину, — по принципу, тождественному колядному (т. е. зимнему) и краличскому (троицкому, или летнему) обрядам»⁴³. Тем самым Василевич прямо связывает зимний, весенний и летний календарные циклы по общему для них колядному типу песен. О том же он пишет во вступлении к своему интереснейшему сборнику (стр. XI): «Главные календарные обряды — коляда, лазарице и кральнице — представляют собой здравицу домохозядам с пожеланием хозяйственного достатка и изобилия. Первый исполняют мужчины, второй — дети, третий — девушки, т. е. почти все жители селений, кроме стариков, которые служат своеобразными „инструкторами“ проведения всех обрядов».

Публикация Кухача охватывает весь календарный цикл, разбитый на 10 видов, каждый из которых он назвал колядой⁴⁴. (Невольно вспоминается свидетельство Кибардина из Вятской губернии!) Кухач публикует коляды зимние — на рождественский сочельник (Bádnak) и на рождество (Božić, № 224—248), на Новый год (Novo ljetó, № 249—255), на праздник трех королей (№ 256—259), на последние три дня масленицы (Póklade, № 260—261), коляды весенние — на день Георгия (зеленый Юрай, № 262, где Юрай — березовая ветка, с которой ходят по дворам!), на празднование 1 мая (№ 263—265), на весенний Спасовден (пасхальное Воскресение, коляда крестоношей, № 266—271); коляды весенне-летние — на троицу (краличке коледе, № 272—279, когда идут «от двора до двора, до царева стола»), во время июньской засухи («за кишу», додольская коляда: № 280—288) и, наконец, на Иванов день 24 июня, на Ивановский костер (Ladárske Kolede с припевом: «Дай нам, боже, добро лето!», № 289—306) — всего свыше 80 коляд с напевами, охватывающих все основные праздники годового земледельческого круга, от Нового года до Купалы включительно.

Циклические календарные обходы дворов зафиксированы и в Мордовии, а недавно А. А. Позднеевым были обнародованы уникальные материалы по осенним обходам домов в удмуртской песне⁴⁵. Обходы совершались в ноябре группой ряженных в 25—30 человек, которые за специальное угощение в определенном порядке исполняли циклы песен (от 15 до 35 произведений).

Сравнительно-типологическая методика и сформулированный Б. Н. Путиловым закон типологической преемственности⁴⁶ дают возмож-

⁴³ М. Василевич, Народне мелодије Лесковачког краја, Београд, 1960, стр. 32.

⁴⁴ Franjo Kuhač Iwžno-slovenske narodne porijevke V, Knjiga «Uredili B. Sirola u VI. Dukat», Zagreb, 1941. В дополнение к сказанному по южнославянским весенне-летним колядным песням см. также: М. Арнаудов, Буенец. Из истории на пролетните обичаи и песни, в книге: Арнаудов, Очерки по български фолклор, т. 2, София, 1969, стр. 343—371; I. Kokot, Dvije jurjevske popijevke iz Prigoria, in «Sv. Cecilija», XX, Zagreb, 1926, стр. 60—61; е го же, «Ladanje» u bjelovarsko-križevackom kraju, in: «Sv. Cecilija», XXXV, Zagreb, 1941, стр. 21—23; Пенушлиски, Обредни и митолошки песни, Скопје, 1968, стр. 11; «Slovenska pesmarica. Tretji del. Ljudske pesmi», Uredila dr. Z. Kumer, Celje, 1969, NN 11—13; R. Petrovič, Narodna muzička tradicija u komuni Leposavič, in «Glasnik Muzeja Kosova i Metohije», Knj. VII—VIII, Priština, 1964, стр. 435 (описание) и 446 (ноты).

Помимо южнославянских материалов сквозного применения песен типа коляд на протяжении календарного года см. также материалы бельгийские (Rose Thisset-Deroquette, Survivances de rites anciens dans des chansons enfantines, «Editions du Gueffeur Wallon», Namur, 1962, N 4, p. 3—23) и особенно немецкие (H. I. Moser, Tönende Volksaltertümer, Berlin, 1935, с нотными образцами, и H. Siuts, Die Ansingelnieder zu den Kalenderfesten, Ein Beitrag zur Geschichte, Biologie und Funktion des Volksliedes, Göttingen, 1968, фундаментальное исследование с поэтическими образцами, без нот).

⁴⁵ См.: «Тезисы докладов III Международного конгресса финно-угроведов», Таллин, 1970. К сожалению, докладчик не связал свой материал с рассматриваемой нами циклическостью и упомянул лишь эстонские песни Мартынова дня (зимний обход дворов).

⁴⁶ Б. Н. Путилов, Новые методологические аспекты в изучении славянского фольклора, «Вопросы литературы», 1968, № 6.

ность детально сопоставить и изучить южнославянские, угро-финские и русские материалы. В данной статье я попытаюсь сформулировать лишь предварительный вывод по затронутому вопросу. По-моему, исконный смысл мотива обхода дворов заключен не в той или иной его конкретной и единственной первоначальной приуроченности, а в его циклической повторяемости. Хотя колядование могло передвигаться с одного срока на другой в тех или иных местных традициях, это вовсе не определяло сущности обряда как такового. Семантика и функция календарных обходов дворов едина на протяжении всего их годового цикла и может получить исчерпывающее объяснение только в рамках этого цикла. С такой точки зрения бессмысленно задаваться вопросом, какая форма обряда — зимняя или весенняя — является для колядования исконной. Для земледельца все времена года тесно связаны. И даже обряды, приуроченные к осеннему сбору урожая, который, казалось бы, венчал труды всего года, не самоцель, ибо тут же, как блестяще показал В. Я. Пропп, совершались обряды для обеспечения будущего урожая. Только при анализе полного цикла аграрных праздников может быть понят каждый обряд, их составляющий, в том числе и обход дворов с приветственно-магической песней.

Значительно сложнее объяснить генезис и различия данной традиции и соответствующих песен у разных народов и в разных районах, населенных русскими. Реконструкция сохранившихся записей и определение границ их распространения требует выявления новых данных и дополнительного анализа. Остановлюсь в заключение кратко на соответствующем музыкальном материале. О музыкальном языке русского цикла обходных песен говорить вообще затруднительно, ибо мелодии большинства песен не записывались. Может быть, необходимый материал еще появится, если собиратели специально будут искать такие песни. Пока же можно лишь предполагать, что обходные песни каждого календарного праздника окажутся близки мелодическому типу, характерному для данного праздника в целом. Я сомневаюсь, чтобы в народной музыке существовал особый тип «обходной» мелодики, характерный для всего годового цикла праздников. Возможно, их будет отличать специфическая метрическая пластика, подчеркивающая движения типа приплясывания при колядках или шествия при исполнении волочечных песен. Музыкальное единство календарных песен, рассматриваемых в их годовом цикле, состоит, видимо, в другом⁴⁷. Если и есть у них общее, то не в результате «перехода» или «заимствования» мелодического типа колядок, а благодаря использованию единого музыкального «словаря». Во всяком случае, прежде чем обходные календарные песни будут изучаться музыковедами, необходимо, чтобы их исследовали этнографы и фольклористы.

SONGS PERFORMED IN GOING THE ROUND OF HOUSEHOLDS IN RUSSIAN CALENDAR RITUALS

The author establishes a calendar cyclic repetition sequence in the performance of congratulatory-invocation songs of the New Year *koliada* (folk-carol) type in the course of the whole agricultural year — in the winter, spring-summer and autumn ritual. Thus V. Ya. Propp's concept of a single motif in the calendar cycle is confirmed. The primary sense of the motif attached to going the round of households does not lie in any single initial timing but in its cyclic repetition. The function and the semantics of the calendar rounds is one and the same for their yearly cycle and can only be explained within this cycle. To substantiate his hypothesis the author employs the method of comparative typology drawing upon similar material from calendar folklore of various agricultural European peoples.

⁴⁷ Обоснованию этого положения я посвятил специальную статью «Календарные песни как цикл. К вопросу о музыкальном словаре», сб. «Вопросы теории и эстетики музыки», вып. 8, Л., 1968.